
ЛИКБЕЗ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1920—1930-е ГОДЫ)

Я.И. Петрова

В статье рассматриваются социальные аспекты кампании по ликвидации неграмотности взрослых в период 1920—1930-х годов. Неграмотность взрослого населения рассматривается как серьезная социальная проблема российского общества с конца XIX века. С подписанием декрета организация обучения грамоте взрослого населения стала одним из важнейших направлений в работе советских органов власти. Главное внимание уделено анализу проблем, возникавших в ходе этого процесса. Экономические трудности были обусловлены тяжелыми последствиями гражданской войны — разрухой, голодом, острой нехваткой материальных и финансовых средств. Социально-психологические трудности в процессе ликвидации неграмотности были связаны с возрастным консерватизмом основного обучаемого контингента и с естественным нежеланием людей тратить время на учебу в сложившихся условиях. Организационно-кадровые и методические трудности обуславливались социальной разнородностью неграмотного населения, дефицитом учительских кадров, необходимостью разработки в кратчайшие сроки пакета учебно-методических пособий, адаптированных для взрослого населения. Преодоление трудностей экономического, социально-психологического, организационно-кадрового и методического характера освещается на материалах Самарской губернии.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, социальная политика, народное просвещение

Социальная политика в области образования как никакая другая тесно связана с идеологией. Особенно отчетливо это проявилось в советской истории, когда достижение политических целей в национальном масштабе и особенно удержание власти оказалось поставлено

в прямую зависимость от успехов идеологической работы, опирающейся на печатное слово. Всеобщая неграмотность стала препятствием не только для модернизации жизни и массовой индустриализации, но также и для насаждения государственной идеологии, призванной легитимировать и укрепить власть большевиков. В этом состоит принципиальное различие между советской образовательной политикой преодоления неграмотности и аналогичными европейскими программами, которые были более долгосрочными, менее масштабными и не привлекали такое количество ресурсов и напряжение сил. Социальный проект образования для взрослых со всеми негативными аспектами и издержками в большевистском духе, когда цель оправдывала средства и масштабная отчетность скрывала множество нерешенных проблем, все же принес свои плоды и привел к впечатляющим результатам. Обсуждение хода, сопутствующих обстоятельств, результатов и просчетов этого проекта просвещения, а тем самым модернизации советского общества на этапе его ранней истории и является задачей данной статьи.

Проблеме ликвидации неграмотности в СССР посвящено довольно много работ, однако большинство исследований были созданы в советский период и наряду с обширным фактическим материалом содержали одностороннюю, идеологически ангажированную трактовку этого процесса [Куманев, 1973; Ким, 1967; Биргер, 1965; Юдина, 1985]. В постсоветских отечественных исследованиях проблема разрабатывается менее интенсивно и преимущественно на региональном уровне [Балашов, 1995; Цибульский, 1997; Филоненко, 1999; Халюткина, 2002]. В этом исследовании мы хотели бы совместить региональный и национальный уровень анализа многоэтапной реализации преодоления неграмотности в Советской России.

«Знание разорвет цепи рабства!»

Неграмотность основной массы населения в России рассматривалась отечественной интеллигенцией в качестве важнейшей социальной проблемы, разрешение которой было необходимым условием для «поступательного развития общества». Вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования был поставлен в России еще в конце XIX века. В 1896 году журнал «Русское богатство» писал: «на сельских сходах, думских заседаниях, земских собраниях, в совещаниях ученых обществ, в кружках столичной и провинциальной интеллигенции, на страницах наших органов печати... вопрос о расширении народного образования, о всеобщности школьного обучения стоял чуть ли не на первом месте» [Янжул и др., 1986. С. 65–66]. В начале XX века проблема всеобщего образования была не только предметом активного обсуждения в обществе, но и обязательным пунктом про-

грамм почти всех политических партий. Большевики в предоктябрьский период возглавляли борьбу за новую, демократическую школу, руководствуясь требованиями в области народного образования, сформулированными в Программе РСДРП 1903 года: всеобщее бесплатное обязательное образование детей обо-его пола до 16 лет; ликвидация сословных школ и ограничений в образовании по национальным признакам; отделение школы от церкви; обучение на родном языке, снабжение бедных учеников питанием, одеждой и учебными пособиями за счет государства [КПСС в резолюциях... 1970. С. 63]. Однако подходящие политические, социальные условия для осуществления программы сложились в России уже после Октябрьской революции 1917 года.

В России начала 1920-х годов вопрос о воспитании «нового человека» стал еще более актуальным. С одной стороны, как показали годы гражданской войны, трудящиеся, освобожденные от эксплуатации, сохранили основные черты «старого строя». Поэтому как стратегическая задача большевиков по строительству нового общества была тесно связана с формированием человека с новыми духовными качествами, моральными нормами и воззрениями. С другой стороны, переход от военного коммунизма к новой экономической политике по иному поставил вопрос о модернизации страны. Методы атаки и штурма сменились более продуманной и обоснованной, массовой систематической пропагандой. Однако решение этой базовой проблемы в стране поголовной неграмотности было невыполнимым без ликвидации неграмотности среди взрослого дееспособного населения страны.

26 декабря 1919 года Совет Народных Комиссаров (СНК) принимает декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Основной целью декрета являлось обязательное обучение грамоте на родном или русском языке (по желанию) граждан в возрасте от 8 до 50 лет, чтобы предоставить им возможность «сознательно участвовать» в политической жизни страны [Декрет СНК... 1983. С. 210–211].

Ил. 1. Борьба с неграмотностью рассматривалась большевиками в качестве важной политической задачи (А.А. Радаков, 1920)

Ликвидация неграмотности стала частью общегосударственной политики и рассматривалась не только как приобщение основной массы населения к культуре, но и как неперемное условие обеспечения сознательного участия в хозяйственной жизни страны, общего социального просвещения и политической победы большевиков. Ликвидаторы неграмотности не только проводили разъяснение задач хозяйственного и культурного строительства, вели беседы на антирелигиозные темы, но и занимались пропагандой и распространением элементарных санитарно-бытовых норм [Фицпатрик, 2001. С. 99–100].

«Гладко было на бумаге...»

С подписанием декрета «О ликвидации безграмотности...» организация обучения грамоте взрослого населения стала одним из важнейших направлений в работе органов власти всех уровней и была связана с преодолением значительных трудностей экономического, социально-психологического, организационно-кадрового и методического характера. Экономические трудности были обусловлены тяжелыми последствиями гражданской войны – разрухой, голодом, острой нехваткой материальных и финансовых средств на решение социальных задач. Социально-психологические трудности в процессе ликвидации неграмотности были связаны не только с возрастным консерватизмом основного обучаемого контингента, но и с естественным нежеланием людей тратить время на учебу в условиях тяжелой борьбы за выживание. Организационно-кадровые и методические трудности обуславливались дефицитом учительских кадров, социальной разнородностью неграмотного населения и необходимостью дифференцированного подхода к каждой группе, а также необходимостью разработки в кратчайшие сроки учебно-методических пособий, материалов адаптированных для взрослого населения и ориентированных на совмещение обучения грамоте с идеологической работой.

Преодоление этих трудностей потребовало от государства мобилизации экономических ресурсов, создания разветвленной организационной структуры, проведения мощной агитационно-пропагандистской кампании, решения сложнейших кадровых задач, создания новых эффективных педагогических методик, сочетания методов прямого принуждения к обучению с системой материального и морального поощрения. Риторика этого этапа преодоления массовой неграмотности носила, как и многие другие реформаторские шаги Советского правительства, отчетливо выраженный вид чрезвычайных, экстремальных усилий и мер, а также милитаристский характер – использовались выражения «ликвидация», «наступление», «борьба».

«Грамота – путь к коммунизму!»

Для реализации государственной политики по ликвидации неграмотности была создана разветвленная институциональная система, включавшая в себя государственные и общественные организации. Ключевую роль в ней играли такие государственными структуры как Народный комиссариат Просвещения (Наркомпрос) и созданный при нем в 1920 году Главполитпросвет. Важным этапом борьбы с неграмотностью стало создание 19 июня 1920 года при Наркомпросе РСФСР Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ) под руководством И. Брихнева, которая стала осуществлять общее руководство всей работой в этом направлении. Подчиненные ВЧКЛБ комиссии были организованы и при местных (губернских, уездных, волостных) политпросветах. Они руководили подготовкой кадров преподавателей, выпуском учебных пособий, организацией пунктов ликбеза, школ грамоты. Члены комиссии обладали чрезвычайными полномочиями и могли привлечь в порядке трудовой повинности к работе по ликвидации неграмотности нужных лиц, причем требования их должны были выполняться срочно и безоговорочно.

Кампания по ликвидации неграмотности была развернута по всей стране, в том числе и в Самарской губернии. По данным «Сборника статистических сведений по Самарской губернии» в 1897 году по губернии из 2 592 494 человек сельского населения грамотными были 541 872 человека. Количество грамотных преобладало среди мужского сельского населения: из 1 271 756 мужчин грамотными были 368 683 человек. Среди 1 320 738 женщин грамотных было 173 189 человек. Таким образом, процент грамотности сельского населения в губернии в 1897 году составлял 20,9 % [Сборник статистических сведений... 1925. С. 94].

К 1920 году положение в деле образования сельского населения почти не изменилось, на что указывает уровень грамотности 21,8 %. Такие невысокие темпы роста не устраивали большевиков. Развернулась

Ил. 2. Участие граждан в борьбе с неграмотностью должно было демонстрировать их лояльность к новой власти (Неизвестный автор, 1920)

активная деятельность, в результате которой к октябрю 1921 года в Самаре действовало 25 школ ликбеза, в которых обучались 300 человек. К марту 1922 года количество школ увеличилось до 46, а в уездах губернии действовало 374 школы ликбеза. Всего за период 1920–1923 годов в Самарской губернии в результате экстренных мер прошли обучение 17 200 человек, или менее 1 % неграмотного населения [Куйбышевская область... 1983. С. 107]. Таким образом, можно видеть, что процесс ликвидации неграмотности шел значительно медленнее, чем этого требовала власть.

Как было организовано обучение? Каждый населенный пункт с числом неграмотных свыше 15 человек должен был иметь школу грамоты – пункт по ликвидации неграмотности (ликпункт). В программу обучения включались чтение, письмо, счет. В начале 1920-х годов программа была расширена за счет выработки навыков, необходимых для восприятия идеологических сообщений: занятия на ликпункте имели целью не только научить читать ясный печатный и письменный шрифты, делать краткие записи, необходимые в жизни и служебных делах, читать и записывать целые и дробные числа, проценты, но и разбираться в диаграммах и схемах, учащимся объяснялись основные вопросы строительства советского государства. Срок обучения в ликпункте устанавливался в 3–4 месяца.

С переходом страны к новой экономической политике и переводом учреждений внешкольного образования на местный бюджет сеть ликпунктов значительно сократилась, однако к середине 1920-х годов она была восстановлена и расширена. Кроме того, на смену общим мерам по преодолению неграмотности пришли другие, направленные на более узкие целевые возрастные и социальные группы. В 1922 году был проведен Первый Всесоюзный съезд по ликвидации неграмотности, на котором было признано необходимым первоочередное обучение грамоте рабочих промышленных предприятий и совхозов в возрасте 18–30 лет. В декабре 1922 года на крупных промышленных предприятиях страны были проведены конференции по вопросу ликвидации неграмотности [Clark, 1995]. Так, например, в Самаре конференция рабочих завода имени Масленникова постановила: «Всем рабочим рекомендовать использовать всякую предоставленную им возможность учиться... принять все меры к тому, чтобы на заводе не осталось ни одного безграмотного рабочего» [Коммуна, 1922].

Важным фактором проведения кампании и привлечения внимания населения к делу ликвидации неграмотности явилось широкое использование различных форм агитационно-пропагандистской работы, газет и агитационных плакатов. На улицах городов и сел расклеивались воззвания Чрезвычайной комиссии по борьбе с неграмотностью. Проводились дни пропаганды, собрания и беседы со взрослым населением о пользе грамоты, по этому поводу устраивались митинги. Наркомпросу предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению

неграмотных на основе трудовой повинности. В ликвидацию неграмотности включались массовые общественные организации. Однако часто обилие пропагандистских мероприятий снижало их эффективность, поскольку одновременно проводилось великое множество других агитационных кампаний, таких как «Помощь голодающим», «Укрепление партии». Это приводило к тому, что острота восприятия сущности объектов агитации притуплялась.

«Я хочу участвовать в строительстве нового мира...»

В 1923 году Декретом Совета Народных Комиссаров года было создано Общество «Долой неграмотность» (ОДН), которое возглавил М.И. Калинин. Его создание является одним из примеров того, как практика ликвидации неграмотности на местах корректировала общегосударственный механизм реализации политики. Общество ставило своей задачей всемерное содействие проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения СССР, широкую агитацию, непосредственную работу по индивидуальному и групповому обучению, создание пунктов ликвидации неграмотности. Общество создавало школы, группы, члены его вели индивидуальную работу по обучению неграмотных, а также широкую политико-просветительскую работу. К концу 1923 года ОДН объединяло около 100 тыс. человек. В 1924 году в РСФСР ОДН содержало 11 тыс. ликпунктов, в которых обучалось более 500 тыс. человек. В 1930 году общество насчитывало около 3 млн членов, объединенных в 200 тыс. ячеек. Общество «Долой неграмотность!» выпускало газеты и журналы по ликвидации неграмотности, в том числе «Культпоход», «Повысим грамотность», буквари, пропагандистскую и методическую литературу. Особенно большую работу оно проводило в деревне, где концентрировалась основная масса неграмотных.

Ил. 3. В ходе компании по борьбе с неграмотностью постоянно уточнялась целевая аудитория образовательной политики (И.П. Макарычев, С.Б. Паев, 1925)

Отделение Общества «Долой неграмотность!» года было создано в Самаре 7 января 1924. В губернии к тому времени неграмотных в возрасте 18–35 лет насчитывалось около 420 тыс. человек [Коммуна, 1924]. Ход ликвидации неграмотности в губернии широко освещался в печати, ее успехи пропагандировались на центральном и местном уровне. В декабре 1924 года самарская газета «Коммуна» поместила выступление окончившей школу ликбеза 37-летней работницы трамвайного парка Паркуниной, в котором говорилось:

Часто я слышала упреки: «Напрасно учишься, голову забиваешь и время тратишь». Но я продолжала учение. Как мне ни трудно, но я хочу увидеть свет и хочу знать новую жизнь. Я хочу участвовать в строительстве нового мира. Для этого нужна грамота [Коммуна, 1924].

Было опубликовано также письмо батраков, окончивших школы ликбеза в Кинель-Черкасском уезде, где говорилось:

Сначала над большими учениками посмеивались: «Ишь как Ванятка наш в школу идет». С первыми результатами перестали смеяться. И очень благодарно теперь село нашей власти за то, что она дала возможность учиться и «большим» [Коммуна, 1924]

Городская конференция работников просвещения по вопросу ликвидации неграмотности в Самаре состоялась 12 мая 1925 года. На ней были подведены некоторые итоги компании. В частности отмечалось, что к маю 1925 года в Самарской губернии действовало уже 780 школ по ликвидации неграмотности, в которых обучалось 55 тыс. человек ¹, то есть в три раза больше чем за первые три года начала компании. Можно говорить о резком увеличении темпов и расширении охвата населения проводимыми мероприятиями, но при этом следует остановиться и на противоречиях процесса и результатов социального просвещения.

На первом этапе ликвидации неграмотности, в период 1920-х годов, одним из типичных негативных явлений было то, что полученные знания часто оставались невостребованными, поскольку не находили применения в быту и на рабочем месте. Это объясняли тем, что процесс модернизации в стране еще не развернулся в полной мере и проблема массовой подготовки кадров для народного хозяйства пока не вышла на первый план.

Другим негативным явлением, сопровождавшим первый этап, было стремление как можно быстрее и любой ценой покончить с неграмотностью, что порождало формализм и приписки в отчетности. Критерии грамотности были явно занижены. Выступая на Всесо-

¹ ГАСО. Ф. Р-353. Оп. 1. Д. 119. Л. 533–536.

юзном совещании по обучению взрослых, Н.К. Крупская говорила: «У нас в той спешке, какая была в связи с проведением культпоходов, снизилось само понятие грамотности и малограмотности. Часто бывает так: позанимаются люди парочку недель, выучатся немного писать и читать, и считалось, что человек стал грамотным. Гнались лишь за количеством обученных» [Крупская, 1959. С. 19]. К грамотным часто причислялись умеющие читать, независимо от того, умеют ли они писать. Вследствие этого, полученные знания не успевали стать устойчивыми и привычными.

С конца 1920-х годов начинается второй этап в процессе ликвидации неграмотности. Первым событием нового этапа стал всесоюзный культпоход, начатый в 1928 году по инициативе ВЛКСМ и сыгравший значительную роль в расширении движения за ликвидацию неграмотности. Опорными центрами культпохода стали Москва, Саратов, Воронеж, Самара, где основная часть неграмотных была обучена силами общественности. В ликвидации неграмотности в процессе культпохода включались тысячи добровольцев. К середине 1930 года число культармейцев достигло 1 млн, а число учащихся только в учтенных школах грамоты – 10 млн [Куманев, 1973. С. 208–209, 232]. Не менее важным явлением стало введение в 1930 году всеобщего начального обучения, которое создавало гарантии распространения грамотности. В некоторых губерниях всеобщее обучение было введено в конце 1920-х годов. Так, например, в Самаре всеобщее обучение было введено специальным постановлением горисполкома от 16 октября 1928 года ¹.

В целом в период с конца 1920-х и на протяжении 1930-х годов происходит форсирование темпов ликвидации неграмотности, что с неизбежностью привело к ужесточению методов проведения кампании. Некоторые изменения произошли в самой концепции ликвидации

Ил. 4. Борьба с неграмотностью подразумевала постоянное активное обращение граждан к печатным текстам, пропагандистской литературе (Неизвестный автор, 1925)

¹ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 262. Л. 284 об.

неграмотности. Несмотря на то, что главные задачи в сфере образования в 1930-е годы оставались теми же, что и в 1920-е — ликвидация неграмотности, введение всеобщего начального образования, массовая подготовка специалистов — появляется ряд различий. Общая направленность государственной политики в области образования, преобразования культуры по-прежнему определялась с точки зрения задач «классовой борьбы пролетариата за социализм». Но эти задачи стали пониматься более упрощенно. Если в 1920-е годы преобладало представление о культурной революции как о многогранном процессе преодоления культурной отсталости страны, то в 1930-е годы культурная революция в основном стала сводиться к введению обязательного начального, а затем среднего образования, что было необходимо для решения задач форсированной индустриализации промышленности и насильственной коллективизации деревни.

«Культштурм»

С конца 1920-х годов начинается эволюция форм и методов в проведении политики ликвидации неграмотности в сторону усиления чрезвычайных мер. Доминирующими на новом этапе становятся «штурмовщина», решение задач «в кратчайший срок». Отражением этого стало еще более широкое распространение военизированной лексики — «культпоход», «культштурм», «культармейцы». Наиболее активно тенденции штурмовщины проявились в организации работы по преодолению безграмотности среди взрослого населения.

Ужесточение мер в политике ликвидации неграмотности прослеживается в документах фонда Самарского краевого отдела народного образования. Так, например, в Циркуляре от 13 мая 1932 года, направленном Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом (ВЦИК) краевым и областным исполнительным комитетам указывается, что

...несмотря на постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 сентября 1929 года о ликвидации в обязательном порядке неграмотности граждан, подлежащих привлечению к отбыванию обязательной военной службы, местные исполкомы не развернули надлежащей работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодежи призывных возрастов, крайне недостаточно мобилизовали внимание общественности вокруг этой боевой задачи, не обеспечили учета неграмотных и полного охвата допризывников школами ликбеза а также не установили должного живого руководства и наблюдения за выполнением отделами народного образования этой работы ¹.

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 5. Л. 11.

Ил. 5. Достижения в области образования рассматриваются как важный результат советской социальной политики (Г.П. Подбельский. «Внешкольное просвещение в Самарской губернии», 1927)

В постановляющей части Циркуляра определяется ряд жестких мер направленных на активизацию работы по ликвидации неграмотности в указанной социальной группе ¹.

В этом же духе выдержано и Постановление краевого штаба по культ-походу от 23 ноября 1932 года ², которое констатирует, что взятое краем обязательство — обеспечить стопроцентный охват обучением всех неграмотных к 15 годовщине Октябрьской революции — почти всеми районами и городами края не выполнено: на 7 ноября было охвачено только 37 % неграмотных, на 20 ноября — 49 %. В Постановлении отмечалось, что

...это ставит под угрозу выполнение важнейшего задания партии — полностью закончить ликвидацию неграмотности в крае и в течении 1932/33 учебного года, несмотря на то, что все условия для выполнения этой задачи имеются в каждом городе, в каждом районе Средней Волги ³.

В документе были также приведены конкретные данные о ходе ликвидации неграмотности по районам края и выделены наиболее неблагополучные районы:

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 5. Л. 11.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 40. Л. 87.

³ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 40. Л. 87.

...хуже всех проводят культпоход и фактически сорвали работы по ликбезу в текущем году Ставропольский, Покровский, Инзенский, Лукинский, Барановский, Наровчатский, Кузнецкий, Кинельский, Кинель-Черкасский, Бутурусанский, Сорочинский, Чембарский, Майнский, Мелекесский. Органы народного образования, культактив, а также комсомольские и партийные организации этих районов, видимо, до сих пор не понимают всей политической важности и необходимости разрешения стоящих перед ними задач социалистического строительства, полной ликвидации неграмотности в крае ¹.

Жестко и категорично была поставлена задача добиться в каждом районе не позже, чем к 15 декабря 1932 года стопроцентного охвата неграмотных и малограмотных обучением ². В Постановлении Краевого штаба указывалось, что все материальные условия для «поголовного охвата неграмотных учебной» обеспечены, учебные пособия и средства на местах имеются, за предшествующие годы подготовлены квалифицированные кадры, способные обеспечить обучение всех оставшихся неграмотных, в числе которых остались «наиболее отсталые элементы рабочих, колхозников и крестьян-единоличников» ³.

«Как обойтись без бумаги, без перьев и без карандашей»

На протяжении всего периода кампании по ликвидации неграмотности официальная пропаганда давала преимущественно оптимистичную информацию о ходе процесса, однако местные органы власти, практически решая задачи в регионах, сталкивались со значительными трудностями, прежде всего экономического характера. Особенно сильны эти трудности были на первом этапе, когда страна восстанавливала разрушенную войной экономику. Наиболее часто в документах эпохи говорится об острой нехватке помещений и элементарного оборудования для занятий ⁴. В имеющихся помещениях иногда отсутствовала мебель, поэтому стулья, табуретки и скамьи учащиеся вынуждены были приносить с собой. Из-за дефицита учебных пособий по одному и тому же учебнику часто приходилось заниматься и родителям, и детям. Нехватка бумаги приводила к тому, что учащиеся писали на обложках старых тетрадей, на старых газетах, исписанной бумаге, если на ней можно было написать хоть несколько букв, театральных афишах и даже на бересте. Не хватало карандашей, поэтому писали углём и мелом на партах и досках. В методические руководства, изданные в начале 1920-х годов,

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 40. Л. 87.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 40. Л. 89.

³ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 40. Л. 89.

⁴ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 99.

включался специальный раздел «Как обойтись без бумаги, без перьев и без карандашей» [Педагогические взгляды..., 1969. С. 317].

Оценивая материальную сторону процесса ликвидации неграмотности в 1920-е годы, А.В. Луначарский, писал, что имеется чрезвычайно много заявлений с мест с жалобами на отсутствие бумаги, чернил и карандашей, однако, даже в этих условиях удавалось добиться реальных результатов: «Мы без денег, без пищи, без карандашей, без бумаги ведем нашу работу и имеем реальные результаты. Эта заслуга... людей, товарищей из разной среды, которые на местах ведут эту работу» [Луначарский, 1958. С. 149].

«Не хочу учиться...»

Значительно более масштабными оказались и социально-психологические трудности в ходе ликвидации неграмотности. Существовал достаточно высокий порог недоверия и непонимания необходимости обучения грамоте со стороны населения, особенно сельского. Ликвидация неграмотности в деревне тормозилась общими настроениями крестьян, которые не всегда и не везде разделяли стремление властей покончить с неграмотностью, поскольку это требовало от них дополнительных усилий и времени, отвлекало от жизненно необходимых хозяйственных дел. Эти настроения отчетливо проявляются в крестьянских письмах и обращениях в газеты и органы власти в 1920-е годы. Крестьянин Алфей Кичилин пишет ¹:

...крестьянину которы остался на колесе все трудней и трудней становит-ся с тем как убывает физических работников и прибывает умственных Конечно просвещение не мешает и при крестьястве, и оно былобы легче еслибы правитель рабочий и крестьянин кормились земледельче-ским трудом. а то сколько не старает ее советская влассть, образовать советскую росию вот уже 6 год как она такая же грязная не учоная толь-ко страдание ее умножились [Крестьянские истории... 2001. С. 103].

Да и местные власти, загруженные решением повседневных неотложных вопросов, порой отодвигали проблему борьбы с неграмотностью на задний план. Как свидетельствуют источники, нередко утвержденные согласно смете расходы не отпускались полностью; кредиты, представленные центром, использовались на другие цели; исполкомы не выполняли своих обязанностей по оборудованию пунктов по ликвидации неграмотности. Сказывались также и просчеты в планировании кампании. Значительный процент оставшихся за стенами школ детей и подростков непрерывно пополняли ряды неграмотных и малограмотных.

¹ В цитате сохранено правописание источника.

Ил. 6. Советская пропаганда ассоциировала неграмотность с физическими недостатками и отсталостью (А.А. Радаков, 1920)

учесть на этапе наиболее интенсивной кампании по ликвидации неграмотности в конце 1920-х – 1930-е годы.

На протяжении всего периода ликвидации неграмотности одним из действенных средств воздействия на население, помимо мощной агитационно-пропагандистской кампании, было гибкое сочетание широкого спектра принудительных мер с методами материального и морального стимулирования.

Принудительные методы заключались в том, что для борьбы с низкой посещаемостью ликпунктов широко использовался административный ресурс и была разработана система наказаний. Народному комиссариату просвещения и его местным органам было предоставлено право привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности, все грамотное население страны, не призванное в войска, с оплатой их труда по нормам работников просвещения. Более того, уклоняющиеся от установленных декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы могли быть привлечены к уголовной ответственности.

Так, в докладной записке председателя райисполкома Бугурусланского района Средневолжского края заведующему краевым отделом народного образования от 1 июля 1932 года сообщается, что заведующий

Несмотря на стремление государства ликвидировать неграмотность и предпринимаемые в этом направлении меры, темпы явно не соответствовали намеченным планам. Оторванность школы от реальных потребностей населения особенно на селе, приводили к так называемым «рецидивам неграмотности», когда приобретенные навыки чтения, письма и счета полностью утрачивалась, не находя практического применения. Сложность задачи заключалось и в том, что контингент обучающихся был неоднороден по возрасту, по социальному положению и степени подготовленности, поэтому положительный эффект мог быть достигнут лишь при дифференцированном подходе. Эти проблемы государство попыталось

районо Краснов был отдан под суд за срыв работы по ликвидации неграмотности в своем районе ¹. Источники сохранили информацию о широкой практике применения жестких мер административного воздействия. В марте-апреле 1932 года в нескольких районах Средневолжского края проводилась проверка работы местных органов власти по ликвидации неграмотности. По результатам проверки три председателя сельских советов были сняты с занимаемых должностей ².

Жесткие меры применялись не только к организаторам кампании, но и к обучаемому населению. В этом же году в постановлении коллегии Средневолжского краевого отдела народного образования указывалось, что

...наряду с массовой разъяснительной работой... к особо злостным лицам, не посещающим занятия или уклоняющимся от обучения... распространить меры взыскания вплоть до штрафов и принудительных работ, а также распространить данные меры на лиц, виновных в срыве обучения ³.

Материальное стимулирование проявлялось в том, что обучающимся предоставлялись определенные льготы, например, был сокращен рабочий день на два часа на все время обучения с сохранением зарплаты. Материально поощрялись не только обучаемые, но и организаторы этой работы. В постановлении Средневолжского краевого комитета ВКП(б) от 3 мая 1932 года приводится распоряжение о «выделении фонда дефицитных товаров для премирования культурмейцев» ⁴.

Значительную роль в активизации процесса ликвидации неграмотности играло моральное стимулирование. Успешно окончивших ликпункты выдвигали на общественные должности. Проводились торжественные выпуски учащихся, имена хорошо успевающих оглашались в газетах, на собраниях. Организовывались вечера «За грамоту», вечера смычек учащихся города и деревни, деревни и фабрики.

Широкое распространение имели не только методы морального поощрения, но и меры морального осуждения. В клубах и избах-читальнях проводились инсценировки, высмеивающие уклонявшихся от обучения, над ними проводились специально разработанные показательные общественные судебные процессы – агитсуды. Оригинальная мера воздействия на местных руководителей применялась в Средневолжском крае: руководителям тех районов, где процесс ликвидации неграмотнос-

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 37. Л. 11.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 37. Л. 18.

³ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 37. Л. 29.

⁴ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 39. Л. 75.

ти шел медленнее всего вручался «орден черепахи». В 1932 году этот орден получил заведующий районо Абдулинского района Средневолжского края ¹.

«Мы – не рабы, рабы – не мы»

Реализация государственной политики по ликвидации неграмотности потребовала оперативного решения сложнейших методических задач. Методические трудности в ходе ликвидации неграмотности в стране обуславливались, во-первых, социальной разнородностью неграмотного населения и необходимостью дифференцированного подхода к каждой группе, а во-вторых, необходимостью разработки в кратчайшие сроки пакета учебно-методических пособий, адаптированных для взрослого населения и ориентированных на совмещение обучение грамоте с идеологической обработкой сознания.

Народным комиссариатом просвещения были разработаны специальные методики обучения грамоте с применением политически актуальных и понятных взрослым учащимся лозунгов, простых текстов. Методы обучения ориентировались на развитие навыков учебного труда и самостоятельности мышления. Развернулось издание специальных букварей. В 1920–1924 годах вышли два издания первого советского массового букваря для взрослых Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской. Букварь имел название «Долой неграмотность» и включал лозунги, в том числе «Мы – не рабы, рабы – не мы», стихотворения В.Я. Брюсова, Н.А. Некрасова. В.В. Смушковым был разработан «Рабоче-крестьянский букварь для взрослых», а Е.Я. Голантом «Букварь для рабочих». Было налажено издание массовых букварей и других учебных пособий для взрослых на украинском, белорусском, киргизском, татарском, чувашском и других языках (всего около 40). Массовые газеты и журналы публиковали на своих страницах или в специальных приложениях материалы тематических уроков обучения грамоте [Аракелова, 1994. С. 76]. Государственные издательства массовыми тиражами печатали буквари, учебные пособия и методические руководства, максимально отражающие «текущие лозунги Советской власти в области государственного и хозяйственного строительства».

Ликвидация и ликвидаторы

Сложной организационно-кадровой проблемой, с которой столкнулась государственная власть в ходе проведения кампании, стала необходимость ускоренной подготовки специально обученных кадров для

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 3. Д. 37. Л. 27.

ликвидации неграмотности — так называемых «ликвидаторов неграмотности». К осени 1920 года органами ВЧКЛБ были созданы курсы учителей — ликвидаторов неграмотности в 26 губерниях, в том числе и Самарской. В марте 1929 года Народным Комиссариатом просвещения РСФСР и Главполитпросветом Средне-Волжскому облоно было направлено Постановление Всероссийской Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности, в котором рассматривались вопросы подготовки ликвидаторов из среды батрачества. В документе указывается, что Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности считает необходимым организовать курсы для подготовки ликвидаторов из среды батрачества в Средне-Волжской области в городе Самаре для 30 человек со сроком обучения шесть месяцев, с 15 апреля по 15 октября 1929 года, с тем, чтобы к началу 1929/1930 учебного года окончившие курсы уже могли быть привлечены к работе в годовых школах.

Кандидатов на курсы предписывалось подбирать из профсоюзного актива — батраков, рабочих и работниц с производственным стажем не менее трех лет и с профсоюзным стажем не менее двух лет, в возрасте от 18 до 35 лет, причем особо отмечалось желательность в составе курсантов обеспечить не менее 50 % женщин. В постановлении определялась обязательная общеобразовательная подготовка курсантов, которая должна быть не ниже программы начальной общеобразовательной школы взрослых¹. Специально оговаривалась материально-бытовая и финансовая сторона обучения. Все расходы на себя брало государство: курсанты обеспечивались общежитием, питанием, оплачивался проезд по железной дороге и на лошадях до места курсов и обратно, в течение всего периода обучения выплачивалась стипендия в размере 10 рублей в месяц. Половина всех необходимых ассигнований, что составляло 15 246 рублей, выделял Главполитпросвет, остальные расходы оплачивались из местного бюджета².

В Государственном архиве Самарской области сохранились методические материалы подготовки преподавателей для курсов по ликвидации неграмотности — учебные программы, учебные планы, методические рекомендации. Примером таких материалов может служить учебный план курсов ликвидаторов неграмотности на 1929 год, рассчитанный на 1 200 часов и включавший такие предметы, как русский язык, математика, обществознание, профсоюзная и производственная грамота, естествознание и антирелигиозная пропаганда, а также специальные дисциплины по организационным и методическим аспектам ликвидации неграмотности³.

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 125.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 125.

³ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 125 об.

Ил. 7. Занятость в государственных мероприятиях по преодолению неграмотности повышала социальный статус участников ¹

С 1929 года происходит усложнение программ обучения неграмотных. Более диверсифицированные задачи социалистического образования, развернувшаяся в стране индустриализация заставляли помимо элементарных навыков чтения, письма и счета включать в обучение более сложные предметы и задачи, что потребовало в свою очередь усложнения и расширения подготовки самих ликвидаторов неграмотности. В программу их обучения стали включаться такие направления, как обучение коммерческим и методическим приемам счета, изучение буквенной символики, нахождение числовой величины, понятие об уравнении, решение простейших уравнений и задач, решение практических задач на дробные величины и проценты. Планировалось также изучение контрольных цифр народного хозяйства края — сельского хозяйства и промышленности ².

В методических материалах определялись специфика и формы обучения ликвидаторов: «основной метод работы с курсантами был метод развернутой беседы с применением лабораторного и исследовательского принципа» ³, обосновывалась необходимость привить обучаемым навыки самостоятельной работы с книгой, подчеркивались особенности методических приемов —

несомненно то, что элементы иллюстративности и демонстрация подходящего материала имели преимущественное значение, ибо аудито-

¹ ГАСО. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 114.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 136 об.

³ Там же.

рия взрослая имела богатый жизненный опыт, но не имела теоретического обоснования этого опыта¹.

Формы контроля за учебной деятельностью были установлены следующие:

...учет работы проходил по следующим моментам: 1) длительное, систематическое наблюдение над работой учащихся, их отношением к выполнению задания, восприятие, реагирование; 2) беседа с группой и индивидуальная беседа; 3) устные и письменные контрольные вопросы и работы; 4) своя программная методическая работа, отчеты на педагогических совещаниях курсов².

Приведенные методические и программные материалы свидетельствуют о достаточно высоком уровне разработки, выполненном весьма профессионально специалистами с хорошей подготовкой. Как правило, это были люди прекрасно образованы, имели опыт методической работы. В современной научной литературе отмечается высокое качество разработанных в Народном Комиссариате просвещения специальных методик по обучению грамоте, ориентированных на развитие навыков учебного труда и самостоятельности мышления, с применением политически актуальных и понятных взрослым учащимся лозунгов и простых текстов.

Несмотря на имевшиеся разработки высокого методического уровня, они не решали полностью проблем с низким уровнем подготовки самих ликвидаторов, что, в свою очередь, сказывалось на качестве обучения. Значительную сложность представляло не только то, что ликвидаторы готовились из безграмотного населения, но и то, что их общий уровень развития и культуры были невысоки. Неизбежным следствием этого являлись частые случаи асоциального поведения на курсах ликвидаторов неграмотности. Так, например, в 1929 году на общем собрании курсантов-ликвидаторов специально обсуждался вопрос о недостойном поведении курсанта Маерова в отношении своих сокурсников, особенно девушек и работниц столовой (в протоколе собрания записано, что он «хватал официантку за неуказанные места»³).

Подобные факты делали необходимым не только обучение элементарной грамотности, но и активную культурно-просветительную и воспитательную работу с обучаемыми. Анализ социально-культурных процессов 1920–1930-х годов, проведенный современными исследователями, в частности Н.Н. Козловой и В.В. Волковым, показывает, что существовал определенный разрыв между «грамотностью»

¹ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 137.

² ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 137.

³ ГАСО. Ф. Р-758. Оп. 1. Д. 96. Л. 88.

и «культурностью». Если первое предполагало лишь технический навык чтения, письма и счета, то культурность означала определенный запас знаний и общий «культурный горизонт» [Козлова, 1990. С. 14; Волков, 1996. С. 215].

«СССР – страна сплошной грамотности»

Несмотря на всю неоднозначность и противоречивый характер кампании по ликвидации неграмотности, главные ее задачи были решены успешно. За шесть лет кампании (с 1920 по 1926 год) грамотность лиц в возрасте 9–49 лет выросла на 12,5 % и составила 56,6 %. Всего в 1917–1927 годах было обучено грамоте до 10 млн взрослых, в том числе в РСФСР 5,5 млн. Однако в целом СССР занимал по уровню грамотности лишь девятнадцатое место в Европе, уступая таким странам, как Турция и Португалия. Сохранились значительные различия в грамотности городского и сельского населения (в 1926 году соответственно 80,9 и 50,6 %), мужчин и женщин (в городе – 88,6 и 73,9 %, в селе 67,3 и 35,4 %). Таковы были основные итоги первого этапа ликвидации неграмотности.

На втором этапе процесс всеобщего обучения грамоте вступил в завершающую стадию. В середине 1930-х годов правительство решило, что Общество «Долой неграмотность!» выполнило свою задачу, и оно прекратило свое существование. Ликвидация неграмотности была возложена на соответствующие секции при местных Советах. Наиболее актуальной задачей стала борьба с малограмотностью, которая препятствовала организации индустриального производства. К 1936 году было обучено грамоте около 40 млн неграмотных. В 1933–1937 годах только в учтенных школах ликбеза занимались свыше 20 млн неграмотных и около 20 млн малограмотных, а по данным переписи 1939 года грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90 %. Таким образом, к концу 1930-х годов неграмотность в России сократила свои масштабы и перестала рассматриваться в качестве острой социальной проблемы.

Краткий анализ социальных аспектов массовой кампании по ликвидации неграмотности в России в 1920–1930-е годы показывает, что главными специфическими чертами этого процесса были, во-первых, высокая степень политизированности, обусловленная главной целью большевиков – созданием общества нового типа с господствующим положением партийной бюрократии; во-вторых, форсированность темпов и жесткость применяемых методов, что было обусловлено стилем реализации массовых проектов, складывающимся у большевиков – активное привлечение структур гражданского общества, штурмовщина, военизированность, классовый характер используемых административных инструментов, массовость; в-третьих, преодоление

неграмотности стало значительным, но всего лишь первым шагом к достижению основной массой населения реального уровня мировой культуры. Все эти особенности решения социальных проблем только складывались в 1920-е годы, но впоследствии они стали устойчивой традицией социальной политики, определив не только успехи, но и неудачи советской власти на пути модернизации общества посредством изменения его культуры.

Список сокращений

ГАСО – Государственный архив Самарской области.

Список литературы

Аракелова М. П. Ликвидация неграмотности среди женщин в первой половине 20-х годов // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 75–78.

Балашов Е. М. Кампании массовой ликвидации неграмотности среди крестьянства Северо-Запада в 1919–1927 годах // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1995. С. 98–104.

Биргер Л. И. Борьба за ликвидацию неграмотности на Средней Волге в годы первой пятилетки // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института. Вып. 48. Куйбышев, 1965.

Волков В. В. Концепция культурности, 1935–38 гг.: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1/2. С. 203–221.

Декрет СНК РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» // Культурное строительство в РСФСР. 1917–1927 гг.: Документы и материалы. Т. 1. М.: Наука, 1983.

Ким М. П. Великий Октябрь и культурная революция в СССР. М., 1967.

Козлова Н. Н. Упрощение – знак эпохи! // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 11–21.

Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001.

Коммуна. 1922. 26 дек.

Коммуна. 1924. 11 янв.

Коммуна. 1924. 23 дек.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1970.

Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 10 т. Т. 9. М.: Издательство АПН РСФСР, 1959.

Куйбышевская область: историко-экономический очерк. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1983.

Куманев В. А. Революция и просвещение масс. М.: Наука, 1973.

Луначарский А. В. О народном образовании. Статьи и речи за период 1917–1929 гг. М.: Просвещение, 1958.

Педагогические взгляды и деятельность Н.К. Крупской. М.: Просвещение, 1969.

Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып. 3. Самара: Б. и., 1925.

Цибульский Н. Б. Новый этап движения за всеобщую грамотность в Челябинской области во второй половине 30-х годов // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX веках. Челябинск, 1997. С. 159–169.

Филоненко Т. В. Ликвидация неграмотности в губерниях Центрального Черноземья России (1920–1927 гг.). Воронеж, 1999.

Халютин Т. Н. Ликвидация безграмотности в Брянской губернии в первое десятилетие советской власти // Проблемы истории советского государства и общества. Брянск, 2002. Вып. 1. С. 62–83.

Юдина Т. Ф. Деятельность местных Советов Средневолжского края по повышению общеобразовательного и культурного уровня населения в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1985.

Янжул И. И., Янжул Е. Н., Чупров А. И. Экономическая оценка народного образования // Русское богатство. 1986. № 11. С. 65–66.

Ярославна Игоревна Петрова
ассистент кафедры педагогики Самарского государственного университета
электронная почта: teach@bk.ru
